

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

УДК 338.22.01

В. К. ЛЕБЕДЕВА,
*доцент, кандидат экономических наук,
профессор кафедры политической экономики
Национальной металлургической академии Украины
(Днепропетровск)*

ЭКОНОМИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕМЕНИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Исследована эволюция экономической теории перемены деятельности. Проанализированы ее историческое становление и развитие, а также современные тенденции, определяющие перспективы перемены деятельности. Охарактеризованы социально-экономические последствия реализации перемены деятельности.

Ключевые слова: разделение труда, перемена деятельности, демократизация собственности, сетевая экономика.

V. K. LEBEDEVA,
*Assoc. Professor, Cand. of Econ. Sci.,
Professor at the Chair of Political Economy,
National Academy of Metallurgy of Ukraine
(Dnepropetrovsk)*

ECONOMIC-THEORETIC ASPECTS OF JOB ROTATION

The evolution of the economic theory of job rotation is studied. Its historical formation and development and the modern tendencies determining the perspectives of a job rotation are analyzed. The socio-economic consequences of a realization of the job rotation are discussed.

Keywords: division of labor, job rotation, democratization of a property, network economy.

Наука имеет неотъемлемые права,
но и права гуманности непререкаемы,
и не может быть антагонизма
между гуманностью и наукой.

Луи Буссенар

Нынешнее кризисное состояние мировой экономики сопровождается кризисом экономической теории. Нередко для выхода из трудной ситуации, подобной тупику, необходимо вернуться назад, к последней развилке, и попытаться найти другое направление, пойти иным путем. При исследовании перемены деятельности придется возвращаться в весьма далекую ретроспективу, ибо экономическая история до настоящего времени рассматривалась и интерпретировалась с позиций экономической теории разделения труда и его исторических и логиче-

Лебедева Валентина Константиновна (Lebedeva Valentina Konstantinovna) – e-mail: metric@i.ua.

ских последствий: частной собственности и рыночного хозяйства. Разделение труда предполагает постоянное, устойчивое закрепление человека или групп людей за различными видами труда, ограничивая сферу их трудовой деятельности и порождая одну из важнейших причин социальной неоднородности общества.

В доисторические времена первобытнообщинного способа производства, черты которого можно обнаружить и сейчас у народов, оставшихся на стадии родового строя, существовала так называемая первичная, или простая, перемена труда, не предполагавшая устойчивого закрепления отдельных индивидуумов или их групп за определенными видами деятельности. Ее сопровождали общинная собственность и непосредственно общественный характер труда в рамках общины. Это означало, что все добытое коллективным трудом потреблялось внутри общины, и общественная значимость этого труда подтверждалась априорно самим процессом труда. Все, что добывалось и производилось, имело своих потребителей из членов общины. Остается добавить, что такому способу производства соответствовало уравнительное распределение.

Проблематика разделения и перемены труда исследовалась такими выдающимися мыслителями и учеными, как Платон, Аристотель, Ш. Фурье, А. Смит, К. Маркс, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Н. Чернышевский, Н. Зибер, Ф. Энгельс, Т. Веблен. В дальнейшем она была развита в работах С.Г. Струмилина, Д.П. Кайдалова, Т.В. Блиновой, Л.А. Булочниковой, Е.А. Гриценко, А.М. Добрусина, В.Я. Елышева, В.П. Корниенко, В.П. Костриченко, Л.Д. Логвинова, И.Д. Мацкуляка, А.М. Омарова, И.И. Чангли и других. Однако в последние годы ее незаслуженно забыли.

По-видимому, у каждого времени свои законы, и время закона перемены труда как основополагающего закона общественно-экономического развития еще не наступило. Значение же его для будущего в какой-то мере можно оценить, вспомнив об огромном влиянии закона разделения труда, естественное развитие которого и самоотрицание в результате этого развития, по нашему мнению, откроют новую “эпоху перемены труда”.

Не нужно, по-видимому, забегать вперед с поспешными прогнозами, но не следует и отставать от требований времени, чтобы события не казались неожиданными. Поэтому уже сегодня важно выявить и спрогнозировать те процессы и явления, которые характеризуют действие закона перемены труда в современной экономике, а также тенденции их развития. Для этого целесообразно еще раз переосмыслить предпосылки, сущность, механизм закона перемены труда, что, по-видимому, невозможно сделать без хотя бы небольшого ретроспективного анализа исследований этого закона.

В 1776 г. А. Смит в книге “Исследования о природе и причинах богатства народов” определил разделение труда как главный фактор роста производительности труда и, следовательно, “богатства” общества. Такой взгляд (высказанный в свое время Аристотелем и Платоном и поддержанный Г. Спенсером, К. Бюхером, Э. Дюркгеймом и другими) вполне закономерен как для того времени (мануфактурной стадии производства), так и для предшествующих эпох рабовладения и феодализма.

Исторически ручному технологическому способу производства периода инструментализации соответствует разделение труда, то есть постоянное и устойчивое закрепление отдельных индивидуумов и групп людей за конкретными видами труда. Ручной характер труда определяет медленное изменение орудий тру-

да, ориентированных на физические возможности человека. Приспособленные к человеку и подчиненные его физическим возможностям, ограниченные орудия труда в незначительной степени меняются в результате накопления опыта многими поколениями. Технический базис производства носит выраженный консервативный характер. Это обуславливает возможность и целесообразность прикрепления работника к определенному виду труда, в рамках которого он мог бы постепенно совершенствовать свое мастерство. Так, Платон считал, что человек должен заниматься тем делом, для которого он приспособлен наилучшим образом: "Ведь каждая вещь производится легче и лучше и в большем количестве, когда человек делает лишь одно дело, соответствующее его склонностям, и в надлежащее время, свободное от всяких других занятий" [1, т. 23, с. 378]. Труд ремесленника ограничивался одной определенной отраслью производства, освоение других ремесел было почти невозможным. Вплоть до XVIII в. отдельные ремесла хранились в тайне, доступ к ним был очень ограничен. В тот период действовал механизм государственно-цехового феодального регулирования рынка. Монополия на ремесло ограничивала конкуренцию. "Экономический инстинкт" указывал на необходимость регламентирования производства и производителей, что позволило бы сдерживать от развития заложенное в механизме рыночного саморегулирования "зерно" кризисов перепроизводства, уменьшить опасность массового разорения мелких товаропроизводителей.

Эпоха ручного труда характеризуется сращиванием субъекта и объективных условий труда. Приобщившись к процессу производства, работник не менял способ функционирования рабочей силы. Он пожизненно был прикован к одному виду трудовой деятельности. Однажды возникнув, профессии передавались от одного поколения к другому. Подчинение производителя одной отрасли было необходимым моментом развития производства. Ручному орудию труда соответствовал индивид, обладавший на протяжении всей своей жизни способностью к труду, развивавшейся в одну определенную сторону и в этом смысле являвшейся "единичной" способностью к труду, которая могла вступить во взаимодействие только с определенными "единичными" средствами производства. Специфическая форма функционирования рабочей силы, с которой сращивается способ жизнедеятельности работающего, превращает последнего в ткача, сапожника, кузнеца и т. д. [2, с. 22].

Мануфактура, пришедшая на смену ремеслу, но имевшая с ним одну материальную основу — ручной труд, не только не преодолевала этого сращивания, но и углубляла его, "каждый рабочий приспособляется исключительно к отправлению одной частичной функции, и рабочая сила его на всю его жизнь превращается в орган этой частичной функции" [1, т. 23, с. 351]. Этот способ функционирования рабочей силы исключает для индивида все остальные способы. Развивая до виртуозности одностороннюю специализацию, мануфактура "превращает в особую специальность отсутствие всякого развития" [1, т. 23, с. 363].

Перемена труда в условиях консервативного технического базиса производства, основанного на ручном труде, не только не является объективной необходимостью, но также выступает фактором, тормозящим рост производительности труда. Овладение ремеслом, достижение "виртуозности" в профессии предполагают длительное, как правило пожизненное, занятие этим видом труда. Таким образом, на базе ручного производства иного прогресса техники, кроме как в форме разделения труда, не могло быть. Впрочем, мануфактура в определенной мере создает предпосылки, обуславливающие если не целесообразность, то возмож-

ность ограниченных форм перемены труда, связанных с чередованием отдельных операций. Чередование дробных операций возможно не только в рамках одного вида труда, но и для различных видов деятельности. Однако частичный характер выполняемых функций делает эту форму перемены труда крайне ограниченной и в действительности не характерной для мануфактуры.

Даже А. Смит, восхваляя разделение труда, не мог не заметить его отрицательного влияния на работника. “С развитием разделения труда, — писал он, — занятие подавляющего большинства тех, кто живет своим трудом, то есть главной массы народа, сводится к очень небольшому числу простых операций, чаще всего к одной или двум. <...> Его (рабочего. — *В.К.Л.*) ловкость и умение в его специальной профессии представляются, таким образом, приобретенными за счет его умственных, социальных и военных качеств. Но в каждом развитом цивилизованном обществе в такое именно состояние должны неизбежно впасть трудящиеся бедняки, то есть главная масса народа, если только правительство не прилагает усилий для предотвращения этого” [3, с. 185]. Еще более определенно об этой стороне разделения труда сказал Ф. Энгельс: “Вместе с разделением труда разделяется и сам человек. Развитию одной-единственной деятельности приносятся в жертву все прочие физические и духовные способности. Это калечение человека возрастает в той же мере, в какой растет разделение труда” [1, т. 20, с. 303]. Таким образом, разделение труда предполагает постоянное и устойчивое закрепление человека или групп людей за определенными видами труда, ограничивая сферу их трудовой деятельности и порождая одну из важнейших причин социальной неоднородности общества. Важнейшим социальным последствием становления разделения труда было формирование частной собственности и товарного производства (рыночного хозяйства).

В “Немецкой идеологии” К. Маркс и Ф. Энгельс еще более точно указали на эту связь: “Различные ступени в развитии разделения труда являются вместе с тем и различными формами собственности. <...> Впрочем, разделение труда и частная собственность, это — тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом — по отношению к продукту деятельности” [4, с. 16, 29]. Из контекста ясно, что речь идет, конечно, о частной собственности. От частной собственности на орудия и продукт труда — лишь один шаг до частной собственности на человека-раба, рассматриваемого как говорящее орудие труда. Здесь собственность — “распоряжение чужой рабочей силой” [4, с. 29].

Теоретические идеи перемены труда впервые получили относительно законченное выражение в трудах социалистов-утопистов: Т. Мора, Э.-Г. Морелли, Т. Кампанеллы, А. Сен-Симона, Ш. Фурье. Особый интерес в этом плане представляет работа Ш. Фурье “Новый хозяйственный мир, или Природосообразный социетарный способ действия” (1822 г.). Идея перемены труда формулируется в контексте субъективных потребностей человека, мотивов его поведения, условий для гармоничного развития человека и общества в сконструированном автором социетарном строе. Так, Ш. Фурье рассматривал перемену труда как проявление одной из высших человеческих потребностей — стремления к разнообразию. В его концепции ценность представляют не конкретные детали, а принцип перемены труда, альтернативный односторонней специализации, выводимый из субъективных потребностей человека и отвечающий, по мнению автора, интересам общественной гармонии.

Перемена труда как объективный экономический закон, как экономическая необходимость, возникающая на определенном этапе развития общественного производства, была сформулирована и обоснована в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. Развитие разделения труда объективно ведет к созданию условий его самоотрицания. Высшее развитие разделение труда получило в своей мануфактурной форме, обеспечившей становление и экономическое преимущество капиталистической частной собственности. Пооперационное и детальное разделение труда, разделение между умственным и физическим трудом внутри самого процесса производства позволили достичь высшей степени производительности ручного труда. Мануфактура — это тот рубеж, после которого разделение труда перестает быть безусловным фактором роста его производительности, постепенно проявляя себя как фактор торможения экономического прогресса. Мануфактура создала необходимые предпосылки для становления крупной машинной промышленности. Технический базис машинного производства революционен. Он постоянно подвергается качественным изменениям, в отличие от предыдущих технологических способов производства, базис которых был, по существу, консервативен. Машинный технологический способ производства, соответствующий периоду механизации, революционно действует и на формы разделения труда, функции работников. Так, К. Маркс писал, что крупная машинная промышленность "постоянно производит перевороты в техническом базисе производства, а вместе с тем и в функциях рабочих" [1, т. 23, с. 498]. Анализируя природу крупной машинной промышленности и изменение роли человека в производстве, он пришел к открытию одного из важнейших экономических законов — закона перемены труда, сформулировав его содержание: "...Природа крупной промышленности обуславливает перемену труда, движение функций, всестороннюю подвижность рабочего. <...> Она, как вопрос жизни и смерти, ставит задачу... частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции суть сменяющие друг друга способы жизнедеятельности" [1, т. 23, с. 498, 499].

Учитывая значение становления машинного технологического базиса производства, все же нельзя, на наш взгляд, ограничиваться им как единственным фактором перемены труда. Существует глубокая многосторонняя связь между процессами становления, развития, самоотрицания разделения и перемены труда и законом экономии времени. Этому закону подчинены и развитие орудий труда, и смена форм разделения труда. В связи с этим более обобщающего взгляда на происхождение, историческое значение и возможности преодоления разделения труда придерживался Ф. Энгельс: "Ясно одно: пока человеческий труд был еще так малопроизводителен, что давал только ничтожный избыток над необходимыми жизненными средствами, до тех пор рост производительных сил, расширение обмена, развитие государства и права, создание искусства и науки — все это было возможно лишь при помощи усиленного разделения труда. <...> Только громадный рост производительных сил, достигнутый благодаря крупной промышленности, позволяет распределить труд между всеми без исключения членами общества и таким путем сократить рабочее время каждого так, чтобы у всех оставалось достаточно свободного времени для участия в делах, касающихся всего общества, как теоретических, так и практических" [1, т. 20, с. 186, 187].

С этим корреспондируются высказывания К. Маркса: "Действительная экономия — сбережение — состоит в сбережении рабочего времени. <...> Но это сбере-

жение тождественно с развитием производительной силы. <...> Сбережение рабочего времени равносильно увеличению свободного времени, то есть времени для того полного развития индивида, которое само, в свою очередь, как величайшая производительная сила обратно воздействует на производительную силу труда” [1, т. 46, ч. 2, с. 221]. Но К. Маркс особо подчеркивал, что экономия времени сама по себе еще не гарантирует использования его в интересах развития общества. Условием этого выступает реализация принципа всеобщности труда. “При данной интенсивности и производительной силе труда часть общественного рабочего дня, необходимая для материального производства, тем короче, следовательно, время, остающееся для свободной умственной и общественной деятельности индивидуума, тем больше, чем равномернее распределен труд между всеми работоспособными членами общества, чем меньше возможность для одного общественного слоя сбросить с себя и возложить на другой общественный слой естественную необходимость труда. С этой стороны абсолютной границей для сокращения рабочего дня является всеобщность труда” [1, т. 23, с. 539]. Принцип всеобщности труда не реализован и донныне, он не реализован ни в одной из социально-экономических систем.

К. Маркс как основоположник научной экономической теории перемены деятельности в разных работах использовал категории перемены труда и перемены деятельности с учетом содержательного контекста. “Деятельность” – это общая категория. Различают 3 ее основные разновидности: трудовую (собственно труд), учебную (получение знаний) и игровую. Когда К. Маркс использует категорию “перемена деятельности” в отношении трудовой деятельности, то применяет понятие “перемена труда”. Если категория перемены деятельности используется в контексте экономии времени, позволяющей чередовать и сочетать трудовую деятельность с другими видами деятельности (например, с получением образования, переквалификацией), то применяется понятие “перемена деятельности”. Использование обеих категорий правомерно и не нарушает логического основания экономической теории перемены деятельности. Перемена деятельности означает не отсутствие разных видов деятельности, а отсутствие устойчивого закрепления (часто пожизненного) отдельных индивидов и групп людей за определенными видами деятельности, как это имеет место в условиях разделения труда.

А.А. Богданов – один из основоположников системного анализа – считал, что машинное производство с его революционным техническим базисом делает возможной и жизненно необходимой всестороннюю подвижность труда и тем самым создает материальный фундамент для универсального применения способностей личности, открывает перспективы преодоления специализации. Одной из главных идей А.А. Богданова является мысль о недопустимости монополии на принятие решений – масштабы опасности от нее стали столь очевидными в последние десятилетия. Он считает, что именно универсальное научно-техническое знание каждого работника и способность широких слоев граждан, а не узкого круга экспертов, компетентно судить о технических проектах, затрагивающих жизненно важные интересы миллионов людей, должны сделать невозможным господство инженерной элиты, равно как и чиновников-“специалистов” [5, с. 14]. С этими суждениями перекликается позиция немецкого экономиста Г. Моля, который считал, что “при соответствующих субъективных предпосылках можно надеяться на перелом тенденции к специализации, которая в экстремальных случаях приводит к неуправляемости предприятий и к экономическому краху” [6, с. 121].

Каждое текущее состояние развивающейся системы, в том числе социально-экономической, имеет черты и признаки, характеризующие его ретроспективу и перспективу. Современная технологическая многоукладность "затеняет" ведущую тенденцию и провоцирует неадекватные прогнозы относительно направленности прогрессивных экономических и социальных преобразований. Закон перемены труда выявляет историческую тенденцию замены разделения труда как закрепления человека за определенным видом деятельности всесторонней подвижностью, многосторонностью индивидуума, для которого различные общественные функции становятся сменяющимися друг друга способами жизнедеятельности.

Можно выделить 3 основные сферы перемены труда:

1. Перемена труда в рамках материального производства.
2. Перемена труда одновременно в рамках материального и нематериального производств.

3. Перемена труда в рамках нематериального производства.

Первый тип перемены труда непосредственно связан с революционным техническим базисом машинного производства. Крупное машинное производство не только выдвигает требование перемены труда, но и создает необходимые предпосылки для его реализации. Эти предпосылки заключаются в принципиально единой основе машинного производства, общности научно-технических принципов многих профессий. Уже в рамках машинного технологического способа производства проявляются такие формы перемены труда, как отмирание одних специальностей и появление других, совмещение профессий, возникновение так называемых профессий широкого профиля, ротация на конвейере, научно-техническая деятельность (рационализаторство и изобретательство и т. п.), выполнение отдельных управленческих функций наряду с непосредственно производственными, технологическими. Второй тип предполагает условно одновременную и параллельную занятость в секторах материального и нематериального производств, чередование различных видов деятельности индивидом в течение недели, месяца, года непосредственно в производстве, науке, искусстве, управлении и т. п. Третий тип предполагает чередование видов деятельности в рамках нематериального производства, что, в частности, проявляется в расширении поля междисциплинарных научных исследований и их высокой результативности, а также в освоении литературно-художественных жанров специалистами, работающими в производственной и научно-технической сферах.

Считается, что с переходом к технологическому способу производства, основанному на автоматизации, тенденция перемены труда будет постепенно вытеснять разделение труда, а также соответствующие ему социальные формы. Известна работа Г.В. Плеханова "К вопросу о роли личности в истории", где он высказывает мнение, что субъективный фактор сам по себе не может изменить объективный ход исторического процесса, но определяет его конкретную форму реализации. Если действия объективного процесса и субъективного фактора однонаправлены, то последний ускоряет исторический процесс. Если же субъективный фактор противодействует объективной необходимости, то объективная тенденция все равно проложит себе дорогу, но ценой социальных потрясений и жертв.

С точки зрения субъективных позиций, перемена деятельности связана с формированием всесторонне развитого индивида и самоосуществлением человека. По теории физиолога Павлова, задействование в труде одних и тех же нервно-мышечных компонентов ведет к их преждевременному износу и наносит вред здоровью

человека в целом (вспомним кинофильм с участием Ч. Чаплина в роли рабочего на конвейере, когда он во сне выполняет определенные действия, чтобы закрутить гайку). В современных условиях, когда все большее распространение получает вынужденная частичная занятость (частичная безработица), вопросы параллельной вторичной занятости, нередко по другой специальности, приобретают растущую актуальность для “носителей способности к труду” даже с точки зрения удовлетворения их материальных потребностей. Это случай “катастрофических” (вынужденных) форм перемены труда, не связанных напрямую с интересами всестороннего развития индивида, но косвенно им способствующих. Перемена деятельности выступает более эффективным инструментом установления соответствия между структурой общественного труда и структурой коллективных потребностей, позволяющих устранить резервную армию труда в виде безработицы. Теории макроэкономики признают легитимность этого явления и не в состоянии дать эффективные рекомендации по его устранению, о чем свидетельствует безработица, растущая во всем мире, в том числе в странах с развитой экономикой.

Понимание того, что на смену эпохе разделения труда приходит эпоха перемены деятельности, открывает новое направление в экономической теории — исследование перемены деятельности как очередной фазы глобального гиперцикла в развитии социоорганизационных форм человеческой деятельности. На наш взгляд, концентрация усилий экономической мысли на этом направлении позволит получить конструктивные научные и практические результаты, которые будут отвечать требованиям времени.

Восходящая прогрессивная тенденция перемены труда, проявляя себя в различных формах, еще не стала доминирующей. Однако исследование закономерности и последствий ее развития — задача экономической науки, а создание лучших условий для ее реализации — задача экономической политики. Таким образом, перемена труда — это такая форма разделения труда, при которой нет устойчивого закрепления отдельных лиц и групп за определенными видами деятельности, а также обеспечивается всестороннее развитие индивидуума, позволяющее ему свободно переходить от одного вида деятельности к другому и заниматься ими параллельно и одновременно. В настоящее время в западных странах, в частности в Германии, существует практика, когда человек 3 дня в неделю работает на промышленном предприятии, а 2 — в культурной или социальной организации, владея одновременно несколькими профессиями [7, с. 76]. Растущая во всем мире безработица показывает, что в производстве достигнута значительная экономия времени, число “лишних” для экономики людей растет независимо от того, наблюдается в ней подъем или спад производства. Это определяет необходимость полифункциональности современного работника, исходящей из закона перемены деятельности.

В настоящее время теория перемены деятельности — это развивающаяся, а не законченная теория. Перспективы ее развития связаны с осмыслением тех проблем и тенденций, которые проявляются в связи с растущими требованиями перемены деятельности в самой экономической действительности. В современных условиях тенденция перемены деятельности находит свое выражение в процессах флексибилизации рынка труда, то есть обеспечения его “гибкости”. “Гибкие” формы занятости служат своеобразным буфером между занятостью и безработицей, отображая потребность в сокращении рабочего времени, что является фактором становления и развития перемены деятельности. Развитие “гибкого” рын-

ка труда в развитых странах сопровождается сокращением сферы стандартных условий найма. Все большее распространение получают такие "гибкие" формы занятости, как работа по временным контрактам, занятость в режимах неполного рабочего времени, альтернативной рабочей недели, деления рабочего места, сжатой рабочей недели, дистанционной занятости. Эти формы занятости создают предпосылки для высвобождения рабочего времени, связанного с одним видом деятельности, переключения на другие виды деятельности или их чередования либо сочетания.

В связи с этим интерес представляет опыт ряда японских компаний, в которых при приеме работника часто остаются неопределенными характер его будущей работы, функциональные обязанности и рабочее место. В течение его трудовой деятельности руководство компании по своему усмотрению и в соответствии со способностями данного работника может перемещать его с одного места на другое, из одного подразделения в другое. При этом характер работы может меняться коренным образом: от производственной до торгово-сбытовой, от торгово-сбытовой до научно-исследовательской. Все большее распространение получает так называемая система оплаты за квалификацию, когда производится доплата за освоение работником дополнительных специальностей. Необходимость перемены деятельности нашла отражение в концепции образования на протяжении всей жизни человека. Потребность не только в повышении квалификации, но и в переквалификации становится неотъемлемой чертой трудовой деятельности, что требует, в свою очередь, повышения доступности образования.

Для Украины представляется полезным и опыт Франции в трудоустройстве работников через государственные службы в условиях структурной перестройки. При угрозе увольнения работник становится участником договора о конверсии между государством и предприятием на период до 4–10 месяцев. В это время работник сможет приобрести новую профессию и получать гарантированный доход, равный 65% зарплаты, из которых выплату 50% берет на себя государство.

В Украине пока нет статистических данных, которые бы позволили непосредственно оценить использование "гибких" форм занятости. Недостаточно развито и соответствующее правовое регулирование. Вместе с тем можно сделать некоторые косвенные оценки тенденций в сфере "гибких" форм занятости, анализируя имеющуюся статистику занятости. Правовые нормативы законодательства о труде, а иногда и их отсутствие, разрешают определенное развитие в Украине "гибких" форм занятости. Статистика последних лет свидетельствует, что от 7% до 15% тех, кто состоит на учете в службе занятости, — это занятые граждане, которые ищут другую работу (с целью смены работы или совместительства). Представляет интерес то обстоятельство, что растет количество тех, кто желает работать в свободное от основной работы или учебы время, а также пенсионеров, которые хотят снова работать. Увеличивается предложение труда в рамках вторичной занятости.

Очевидным является формирование на рынке труда Украины "периферийного облака" рабочей силы, окружающего "ядро" постоянно работающих по стандартным формам занятости. Работа в таких режимах, как неполный рабочий день, неполная рабочая неделя, неполный рабочий год, работа по временным контрактам, сезонная занятость, надомный труд, другие нестандартные рабочие места и организационные формы свидетельствуют о наличии тенденции к формированию "гибкого" рынка труда с присущим ему широким спектром "гибких" форм занятости.

Постановка и выполнение на государственном уровне задачи по формированию регулируемого “гибкого” рынка труда в значительной степени способствовали бы преодолению кризисных явлений в экономике Украины. Не претендуя на полноту мер, связанных с формированием регулируемого “гибкого” рынка труда в Украине, считаем целесообразно включить в их состав следующие:

1. В целях обеспечения полноты информации о занятости населения, принимая во внимание расширение использования “гибких” форм занятости, внедрить статистический учет вторичной занятости населения.

2. Вести учет спроса на труд и предложений труда в разрезе “гибких” форм занятости, связанных с нестандартными режимами рабочего времени, нестандартными рабочими местами и организационными формами. На основании этого предоставлять информацию, консультации и рекомендации по трудоустройству в условиях “гибких” форм занятости.

3. В стратегическом плане целесообразно улучшение условий (финансовых, правовых и т. д.) для получения второго образования (профессионально-технического, высшего и т. д.).

4. Рекомендовать работодателям систему “гибкого” использования периферийной рабочей силы: при благоприятной конъюнктуре – привлекать к труду, а при неблагоприятной – временно увольнять. В период временного увольнения сохраняются контакты с работником, который в соответствующем центре занятости может получить рекомендации по трудоустройству в рамках вторичной занятости на период временного увольнения с основного места работы.

5. Проанализировать практику деятельности фирм по аренде рабочей силы, которые функционируют в ряде западных стран, и рассмотреть вопрос о возможности и целесообразности создания таких фирм в Украине при посредничестве центров занятости.

6. Законодательно предусмотреть возможность обучения и переквалификации в рамках центров занятости не только полностью безработных, но и частично занятых граждан с целью обеспечения их вторичной занятости.

Принятый недавно новый Закон Украины “Об образовании” в известной мере расширяет перспективы развития перемены деятельности в Украине, поскольку легитимизирует возможность параллельного обучения студентов высших учебных заведений по двум специальностям с выдачей дипломов государственного образца.

Для создания условий реализации перемены деятельности и ее прогрессивного потенциала необходимо совершенствовать отношения собственности. В свете вышеуказанных ссылок естественно предположить, что главным вектором эволюции отношений собственности должна стать их демократизация. Однако в понимании сущности и механизмов демократизации собственности имеет место широкое разнообразие позиций. “Отцам” рыночных реформ в переходных экономиках частная собственность кажется вершиной демократизации, но современный кризис мировой экономики вынуждает в этом усомниться. Представители технологического детерминизма как одного из направлений институционализма – Д. Белл, Э. Тоффлер, – прогнозируя “супериндустриальную” революцию и постиндустриальное общество, высказывали предположение об отходе традиционной частной собственности на средства производства на второй план, а также приоритетном развитии индустрии информации, теоретических знаний и соответствующих им специфических форм собственности. По Э. Тоффлеру, собственность будет самоуничтожаться в любых формах проявления, а вместе с ней – и разделение общества

на классы. Подвергается пересмотру сама целевая направленность производства. Так, еще Дж. Гэлбрейт указывал на необходимость ее изменения с максимизации прибыли на поддержку постоянного экономического роста. Еще дальше продвинулся в этом направлении Дж. Кларк, который предложил различать коммерческую и социальную эффективность, понимая под первой показатель результативности частного предприятия в создании прибыли, а под второй — эффективность экономической системы в создании "социальных ценностей".

На сегодняшний день наиболее перспективной основой трансформации отношений собственности выступает так называемая сетевая модель экономики. Формирование ее идей происходит одновременно в нескольких направлениях: во-первых — в направлении развития интернет-технологий с позиции создания адекватной технической базы, во-вторых — в направлении информационной открытости производства и управления, а также доступности информации [8, с. 132]. Целевая ориентация компаний должна измениться с максимизации внутренней прибыли на максимизацию эффективности экономической сетевой структуры в целом. Особенностью "сетевого" мира является то, что "сетевые каналы, по которым на неформальной основе перекачиваются серьезные объемы разнообразных ресурсов, от информационных до финансовых, основаны не на вере в индивидуальную честность, а на способности сетевого мира *вынудить* индивида соблюдать условия взаимодействия" [9, с. 53]. Вместе с тем угроза банкротства предприятия легко исчезает, если оно находится в сети: партнеры просто временно перераспределяют ресурсы в его пользу.

Сдвиги в целях производства (от максимизации прибыли к, собственно, удовлетворению потребностей) и характере связей между производителями (от опосредованных к прямым) фактически готовят смену отношений собственности в пользу наиболее крупных ассоциаций национального и международного масштаба (сеть сетей, мегасети). Именно собственность ассоциаций с присущей ей системой непосредственно общественного труда наиболее адекватна механизму перемены деятельности. Информационная прозрачность среды экономической деятельности позволит эффективно организовать учет общественных потребностей, распределение и перераспределение мобильных трудовых ресурсов по секторам экономики, сравнить результат деятельности с уровнем вознаграждения за нее, создать производство в интересах всестороннего прогрессивного развития личности и общества. Эти задачи определяют перспективы дальнейших исследований.

Современное состояние экономической теории и практики требует новых конструктивных идей, источником которых может быть еще далеко не исчерпанный конструктивный потенциал экономической теории перемены деятельности. Стоит прислушаться к словам американского социолога, профессора И. Валлерстайна: "...Поскольку мы сейчас переживаем раннюю стадию процесса перехода к чему-то новому и течение этого процесса не предрешиено окончательно, важную роль в нем будут играть наши индивидуальные и коллективные усилия. Другими словами, мы призваны осуществлять наши утопии, а не только лишь мечтать о них. В любом случае, что-то да будет построено. И если мы не будем участвовать в строительстве будущего, за нас это сделают другие" [10, с. 52].

Список использованной литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — 2 изд. — М. : Политиздат, 1962.
2. Блинова Т.В. Перемена труда в агропромышленном производстве. — М. : Наука, 1991. — 109 с.

3. Аникин А.В. Юность науки. — М. : Изд. полит. лит-ры, 1985. — 368 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. — М. : Политиздат, 1988. — 574 с.
5. Богданов А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет ; [под ред. Л.И. Абалкина]. — М. : Политиздат, 1990. — 479 с.
6. Моль Г.Х. Меньше разделения труда — больше производительность / Методы снижения издержек производства : сб. ст. ; [пер. с англ., нем., яп.] ; [под ред. Б.И. Майданчика, Г.В. Сергеевой]. — М. : Экономика, 1987. — 150 с.
7. Галкин А.А., Котов В.Н., Красин Ю.А., Меньшиков С.М. Капитализм сегодня: парадоксы развития ; [под ред. В.Н. Котова]. — М. : Мысль, 1989. — 315 с.
8. Олейник А. Модель сетевого капитализма // Вопросы экономики. — 2003. — № 8. — С. 132–149.
9. Барсукова С. Вынужденное доверие сетевого мира // Политические исследования. — 2001. — № 2. — С. 50–62.
10. Валлерстайн И. Межгосударственная структура современной мир-системы // Социальная экономика. — 2001. — № 1. — С. 44–52.

References

1. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Politizdat, 1962 [in Russian].
2. Blinova T.V. *Peremena Truda v Agropromyshlennom Proizvodstve* [Job Rotation in the Agriindustrial Production]. Moscow, Nauka, 1991 [in Russian].
3. Anikin A.V. *Yunosť Nauki* [The Youth of Science]. Moscow, Izd. Polit. Lit., 1985 [in Russian].
4. Marx K., Engels F. *Nemetskaya Ideologiya* [Die Deutsche Ideologie]. Moscow, Politizdat, 1988 [in Russian].
5. Bogdanov A.A. *Voprosy Sotsializma: Raboty Raznykh Let, pod red. L.I. Abalkina* [Questions of Socialism: Works in Various Years], edited by L.I. Abalkin. Moscow, Politizdat, 1990 [in Russian].
6. Moll H.H. *Men'she razdeleniya truda — bol'she proizvoditel'nost', v: Metody Snizheniya Izderzhok Proizvodstva, pod red. B.I. Maidanchika, G.V. Sergeevoi* [Mehr Produktivität durch weniger Arbeitsteilung, in: Methods to Decrease the Production Expenses], edited by B.I. Maidanchik, G.V. Sergeeva. Moscow, Ekonomika, 1987 [in Russian].
7. Galkin A.A., Kotov V.N., Krasin Yu.A., Men'shikov S.M. *Kapitalizm Segodnya: Paradoksy Razvitiya, pod red. V.N. Kotova* [Capitalism Now: Paradoxes of Its Development], edited by V.N. Kotov. Moscow, Mysl', 1989 [in Russian].
8. Oleinik A. *Model' setevogo kapitalizma* [A model of network capitalism]. *Voprosy Ekon. — Quest. of Economy*, 2003, No. 8, pp. 132–149 [in Russian].
9. Barsukova S. *Vynuzhdennoe doverie setevogo mira* [The forced trust of a network world]. *Polit. Ussled. — Polit. Studies*, 2001, No. 2, pp. 50–62 [in Russian].
10. Wallerstein I. *Mezhgosudarstvennaya struktura sovremennoi mir-sistemy* [Interstate structure of the modern world-system]. *Sotsial. Ekonom. — Social Econ.*, 2001, No. 1, pp. 44–52 [in Russian].

Статья поступила в редакцию 25 сентября 2014 г.